

ЕКАТЕРИНБУРГ

РАВЕН ВСЕМУ УРАЛУ

И в этом проблема...

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Литовская Мария Аркадьевна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19)

✉ nufimceva@yandex.ru

Белимов Виктор Николаевич

Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66)

✉ belimov-vn@ranepa.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Литовская М.А., Белимов В.Н. Екатеринбург равен всему Уралу. И в этом проблема. Интервью // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 26–33.

Каковы родовые признаки екатеринбургского патриотизма? Может ли заводская землянка прошлого века культивировать чувство гордости? Почему депрессивное территориальное пространство с заведной регулярностью воспроизводит сильных остроумных личностей? Всегда ли комфортная городская среда обеспечивает рост патриотических настроений и, напротив, как долго можно оставаться патриотом в условиях упадка экономики родного края?

Эти вопросы касаются самых разных сфер и отраслей – экономики, географии, психологии, социологии, истории. Но объединяющим началом является гуманитарный фактор и производство впечатлений. Влияние воображения на локальные патриотические чувства граждан трудно переоценить. А признанным генератором образов является литература.

Поэтому мы пригласили к разговору о патриотизме доктора филологических наук, профессора Уральского федерального университета Марию Литовскую, которая к тому же является профессором отделения славянских языков и литератур государственного университета Чжэнчжи (Тайвань) и за годы работы на далеком от Урала острове смогла лично ощутить силу и специфику уральского патриотизма.

РАЦИОН ПАТРИОТИЗМА

Виктор Белимов: Мария Аркадьевна, принято считать, что новый век будет веком городов. Технологический прорыв в сфере транспорта и связи поможет соединить городских жителей в режиме «здесь и сейчас» и сделает незаметным пространство между ними. Как, учитывая это, может измениться палитра социальных чувств – станем ли мы все жителями одного «городского общежития» или у каждого города будут свои группы патриотов, готовых ради него к любым жертвам?

Мария Литовская: С одной стороны, урбанистический глобализм несомненен. Но проблема в том, что в нашей стране города чрезвычайно неравноценны. Есть город первого порядка – столица, есть второго – Санкт-Петербург, есть города-миллионники и есть все остальные. Мне кажется, что на уровне миллионников с городским патриотизмом все более или менее в порядке, а дальше, если он и есть, то его открыто выражает очень небольшая часть населения – чаще всего это музейщики, краеведы, которые действительно могут рассказывать про свои города сколько угодно долго и с восторгом, в остальном – пустота. И это объяснимо. Патриотизм же питается не столько словами, сколько отношением к территории, конкретными «плюсами», которые люди получают от места проживания. И это не потребительство, а элементарное и законное стремление к лучшей жизни.

Из-за всеобщей «медийности» люди четко понимают разницу в качестве жизни. Да, асфальт в Екатеринбурге вряд ли сильно отличается от московского, но я точно знаю, что в родном городе никогда не получу доступ к культурным шедеврам того уровня, к которым спокойно и в любое время может

Литовская Мария Аркадьевна,
советский и российский филолог,
литературовед, литературный критик.
Доктор филологических наук,
профессор.



приобщиться любой москвич или петербуржец. Особенно остро это ощущается сейчас, в период пандемии, когда нет привычной свободы передвижения. Словом, пространство городов качественно очень сильно отличается. Знаете, когда я смотрю новости на телеканале «Культура» и там анонсируют события, то почти не звучит Екатеринбург, Новосибирск, Красноярск. Изредка промелькнет какая-нибудь новая оперная постановка, рожденная на периферии. И все. Это, надо сказать, очень меняет отношение к месту пребывания. Не возникает того единства, на которое мы рассчитываем и о котором вы спрашиваете. И появляется обида за собственное городское пространство. Разница в уровне культурной обеспеченности людей в разных местах страны, что и говорить, чрезвычайно велика и болезненна. Да не только о культуре речь: общественный транспорт в Екатеринбурге на порядки хуже ра-

ботает, чем в столице. Чего уж говорить о маленьких городах. Не удивительно, что люди ищут возможность оттуда уехать.

В.Б.: В самом деле, не трудно быть патриотом комфортного города, с ровными дорогами, красивыми заданиями, запахом свежей выпечки, добрыми приветливыми лицами прохожих. А как заставить себя полюбить окружающую убогость и безнадегу?

М.Л.: Предмет любви состоит из многих факторов. Есть, казалось бы, непререкаемые точки страсти международного уровня – Париж, Стамбул, Нью-Йорк. В этот же ряд в советское время можно было поставить, например, Одессу. Но, знаете, я в свое время изучала одесскую литературную школу и могу вам сказать, что в начале XX века никто ведь «Одессу пыльную» особенно не любил. Да, там хороший климат, близость к морю. Это важно. Но смешение культур, неправильности речи и так



Одесса расцвела и похорошела благодаря писателям-одесситам, которые эстетическими средствами минусы города превратили в плюсы.

Образ Екатеринбурга как города создан не был. Его масштаб приравняли ко всему региону. Поэтому лицо осталось невнятным, без яркого выражения

далее – это все было предметом высмеивания. И то, что в городе есть порт, это тоже минус – ухудшает криминогенную обстановку. Но нашлись писатели-одесситы, которые эстетическими средствами минусы превратили в плюсы, и вдруг Одесса превратилась в воображении всех в необычайно интересное пространство.

В.Б.: И это сделала литература?

М.Л.: В тот момент это сделала литература, потом включились сами горожане. Потому что всегда приятно почитать про город Черноморск, и любой одессит вдруг проникается: «Чёрт возьми! Да это же все мы, это же наша Одесса!». Появляется много разных Одесс – бабелевская, катаевская, Олеша, Ильфа и Петрова – и в принципе любой житель может найти свою Одессу. Про город пишут с любовью и ностальгической нежностью (замечу, к тому времени никто из больших писателей-одесситов в родном городе уже не живет), а это всегда живо отзывается в душах людей, которые там остались. И когда у этих людей появляется возможность, они продолжают «гнуть линию»: в Одессе был и, надеюсь, сейчас существует потрясающий литературный музей с богатейшим архивом, собственными книжными изданиями, с очень профессиональными и увлеченными сотрудниками. Музей, по сути, полностью посвящен образу Одессы в мировой культуре. При том, что проблем там всю первую половину прошлого века было много.

В.Б.: Очень интересный пример. Выходит, что патриотизм питается прежде всего не финансовым, а символическим капиталом?

М.Л.: В случае с Одессой именно символический капитал сработал в очень большой степени. Местные писатели уехали, когда началась украинизация Одессы. К тому же это была действительно глубокая провинция. Уехав, они из своей северной Москвы вспоминали южную Одессу просто как праздник. У Катаева даже стихотворение по этому поводу есть. Поскольку мимо его дачи в Переделкино проходил поезд «Москва – Одесса». Он пишет, что всякий раз хочет бросить все и уехать назад. Я считаю, что это истинный, глубокий патриотизм людей, которые, уехав, все-таки сделали славу родному городу. Потом уже в 60-е годы ее подкрепили КВНщики. А дальше – больше. Все это вылилось во вполне конкретную городскую мифологию, в названия улиц, архитектурные решения. Один только памятник мадам Стороженко, которая и будучи в бронзе, все еще торгует своей рыбой на Привозе, чего стоит.

НЕ НАДО ЛИРИКИ

В.Б.: А Екатеринбург...

М.Л.: Нашему городу в этом смысле повезло значительно меньше. Во-первых, климат далеко не южный. В Екатеринбурге есть свои достоинства, судя по той же «ностальгической» литературе. Но тут важно отметить другое: ведь по сути образ Ека-

теринбурга как города, создан не был. То есть Екатеринбург – это город, про который очерки писать, а не поэмы. Собственно Екатеринбург в творчестве Мамина-Сибиряка – это буквально один очерк. Все остальное – про Урал в целом. То есть в силу странного статуса Екатеринбурга как города с особенной судьбой, города, который изначально не был ни уездным, ни губернским, название которого звучит почти также, как Петербург, было достаточно, чтобы фантазия местных жителей назначила Екатеринбург столицей всего Урала. И памятники писателям в центре города – это памятники скорее «певцам Урала», а не Екатеринбурга. У Бажова про него сказано куда меньше, чем про регион. Словом, традиции создавать образ города у нас попросту не было. Потом с легкой руки Маяковского стали развивать тему про царя и «коронованную Катюку», на груди у которой переливались изумруды, которые, если быть точным, не в Екатеринбурге и добывались. То есть вновь создан образ центра края. И город стал равносильным региону. Поэтому его лицо, образ осталось невнятным, без яркого выражения. Так вышло. И ты должен сначала полюбить весь регион, ну а потом уж и город заодно, как его часть.

В.Б.: И все же у Екатеринбурга всегда был строгий функционал.

М.Л.: Абсолютно верно. Ему назначали функции, которые он исправно выполнял в отечественной истории: центр металлургии, опорный край державы, столица военно-промышленного комплекса, тыловой город и т. п. Все время город связывается с функционалом, за который отвечала территория всего региона. В итоге для сугубо городской лирики, по сути, не нашлось места: огоньки из популярной песни горят строго над «Уктусом и ВИЗом» – Верх-Исетским металлургическим заводом.

В.Б.: В чем особенность уральского характера, на ваш взгляд?

М.Л.: Люди недоверчивые. Настороженные. Еще и этот знаменитый уральский говор «с закрытым ртом», сквозь зубы, который всегда удивляет студентов-иностранцев: почему мы в университете всех понимаем, а на улице или в транспорте вообще не можем разобрать, что говорят местные. Люди более сдержанные и замкнутые, чем во многих других местах, и очень критикански настроенные по большому счету. Это не критика власти, а скорее критика обстоятельств, себя, всех других.

В.Б.: Поперешность...

М.Л.: Точно. Любят поговорить о том, что у нас все плохо. Когда появляются такие произведения, как «Петровы в гриппе и вокруг него», фильм «Страна Оз» по остроумному сценарию В. Сигарева и А. Ильенкова, то они работают на образ города довольно мрачного, загадочного, населенного фриками. При этом в городе ощущается дикая энергия, своего рода производство талантливых самородков. Славниковы, балабановы, бутусовы, кормильцевы здесь зафонтировали, потом уехали в другое пространство и растворились в нем. Слава «особенного города» уже не часть их жизни. Но они приняли участие в ее создании, и эта слава, является основой для городского патриотизма: мы не такие, как все, мы – другие.

КАПИТАЛ МЕСТА**В.Б.: Из чего, в частности, состоит эта основа?**

М.Л.: В ней много всего. Например, рок-музыка, архитектурные объекты, события, кинофестивали – «Кинопроба», «Россия», индустриальная биеннале. Это же все надо было придумать, сконструировать буквально на пустом месте. Все это сделали и продолжают делать мест-

ные жители. Многие остаются здесь, имея возможность в любые ближайшие три часа сесть в самолет и уже через два часа гулять по Москве. Хотя, конечно, санитарные ограничения последних лет наносят удар по этой приятной возможности.

В.Б.: А власти, на ваш взгляд, в достаточной степени ценят этот ресурс энергии личностей?

М.Л.: Они начинают его ценить, когда им это вкладывают в головы. Они, по-моему, часто не понимают потенциал того, что есть. Я работаю в главном гуманитарном университете Тайваня и несколько раз, когда местные профессора узнавали, что я из Екатеринбурга, они говорили, что да, мы слышали про ваш город, это же, мол, крупный архитектурный центр. Представляет? Потому что у нас много памятников конструктивизма. И на мировой культурной карте мы заметны в том числе этим. Казалось бы, где мы и где великая архитектура? А для образованных иностранцев мы, оказывается, – музей конструктивизма под открытым небом. А сами мы об этом почему-то не догадываемся. Или не хотим догадываться. Поэтому, когда у нас уничтожают памятники, связанные с этой своеобразной архитектурой, на которую люди из-

далека специально приезжают смотреть и книги про нее покупают, то, конечно, понимаешь, что это недосмотр. Властей, прежде всего. И недостаточная информированность горожан. Ясно, что, если на всю Европу сохранилось всего восемь зданий довоенных аэропортов, то вряд ли стоит ломать наш аэропорт Уктус тридцатых годов постройки ради позолоченного чего-то, в чем в мире недостатка нет. Аэропорт и «нечто» позолоченное, наконец, прекрасно можно совместить. Увы, многие влиятельные люди просто не понимают значимость исторического ресурса, символического капитала места.

В.Б.: А ведь на том же Тайване много зданий было уничтожено и во время Второй мировой войны, и после...

М.Л.: Теперь они кусают локти и берегут каждый домик, который является живым свидетелем истории и позволяет увидеть, как далеко страна рванула вперед за относительно короткое время. Про эти старые колониальные постройки тебе начнут рассказывать уже в аэропорту Тайбэя. Ты еще до города не доехал, но уже планируешь – ага, значит, надо посетить этот музей бумаги, который находится в здании старой японской фабрики. Еще вчера



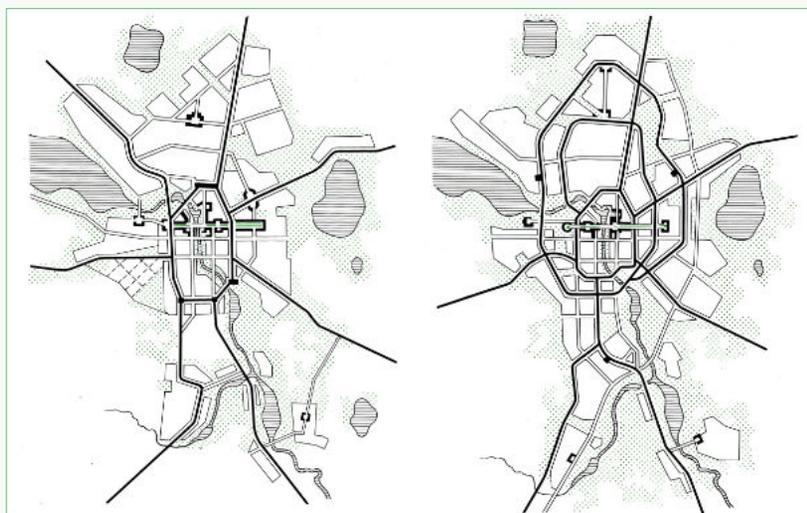
Аэропорт местных воздушных линий «Уктус». Его официальным днём рождения считается 1 января 1932 года. Здание аэропорта было снесено 26 ноября 2021 года для строительства на его месте торгово-транспортной развязки.

тебя не интересовали ни история бумаги, ни тем более японские фабрики, но, если местные так настойчиво и увлеченно объясняют, ты невольно выкроишь время и туда отправишься. У них вокруг этих маленьких домишек, старых производств выстраивается целая инфраструктура. Тайванцы теперь понимают, что уничтожать это нельзя ни при каких условиях. Это просто опасно для города: у него должна быть всем известная история, своя классика. К тому же мы ведь не можем знать, в каких направлениях общество будет развиваться. И легко растаемся с домишками, цехами и плотинами, потому что не видим в них ценности. А она есть, и в мире есть знание о ней, значит, правильная организация работы с такими объектами – это то, на чем рождается самоуважение и уважение других к тебе.

В.Б.: Возможно, Екатеринбург есть смысл заявить о себе как о городе экспериментов?

М.Л.: Почему нет? К тому же он изначально был экспериментальным. Мы в свое время с коллегой Сергеем Леонидовичем Кропотовым (д-р филос. наук, проф., ректор Екатеринбургской

Схема генерального плана Свердловска 1936 и 1939 гг.



академии современного искусства в 2007–2013 гг. — Прим. ред.) написали статью про три утопии Екатеринбурга. И с печалью увидели, что наши прогнозы сбылись.

ТРИ УТОПИИ ЕКАТЕРИНБУРГА

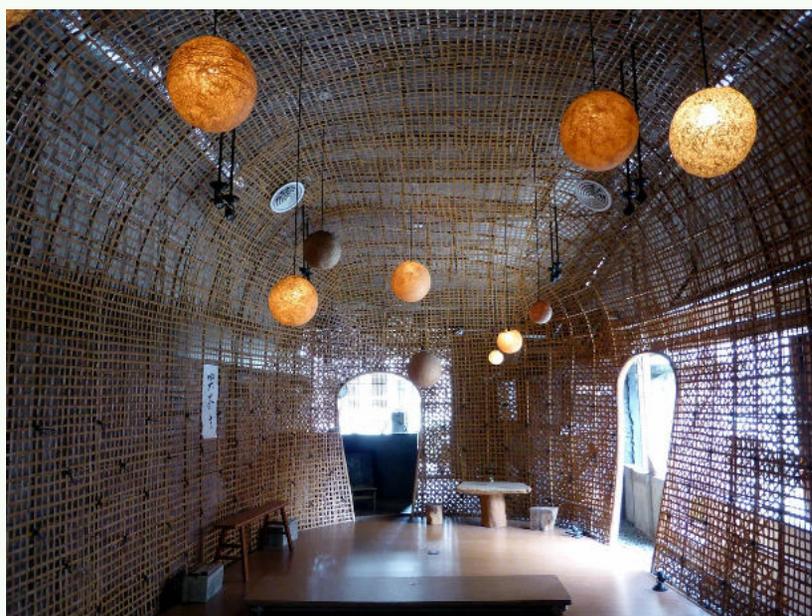
В.Б.: Что за утопии?

М.Л.: Первая утопия – это горный город-крепость с самобытной системой управления, где центром города является завод, плотина. Но город быстро выходит за пределы крепости,

приоритет был отдан производству, а жители расселялись в своих посадах как придется. Красивый план был нарушен, город безудержно распался. Но следы замысла сохранились.

Потом начинаются грандиозные архитектурные эксперименты 1920–1930-х годов. Был придуман и начал реализовываться проект красивого города с принципиально новой организацией жизни людей. Сохранились чертежи, про конструктивизм в Свердловске написаны тома научной литературы. Но проект не был доведен до конца: распалась Уральская область, исчезли источники финансирования, потом война. Задача тоже не была выполнена, но сохранились фрагменты ансамблей, городки и жилкомбинаты.

Затем, уже в постсоветское время, предпринимается попытка предъявить Екатеринбург как третью столицу, но все опять заглохло. Хотя заработали консульства иностранных держав. И оформлялись заявки на крупные мероприятия, и все флаги в гости к нам. И рисуют планы новых районов, и придумывают новую транспортную систему... Но вторую линию метро и ветки скоростных трамваев в итоге строить все-таки не будем, потому что денег нет. Вместо со-



Мемориальный музей бумаги Сухо (Тайбэй, Тайвань).

здания удобной транспортной системы мы покупаем зеленые малогабаритные автобусы, в которых страшно неудобно ездить, и ставим их на популярные и длинные маршруты. В них не протолкнуться, летом душно, кондиционеров нет. Очередной красивый план снова не выполнен. Но небоскребы и кое-какие следы усовершенствований городской среды остались. Я не думаю, впрочем, что это повод для какого-то безудержного песимизма, потому что, наверное, во многих городах происходит нечто подобное. Здесь интересен именно революционный характер экспериментов, которые каждый раз разбивались о житейские потребности живых людей. При этом сам эксперимент, несмотря на его незавершенность, впоследствии становился поводом для патриотической гордости горожан.

В.Б.: Тем не менее, несмотря на эти упущенные возможности, мы видим, что сувенирные лавки завалены вполне креативными вещами, позиционирующими Екатеринбург. Фантазия такого уровня, тонкую самоиронию, отличную графику я не встречал, скажем, на приморских улочках модной нынче Калининградской области – там все, как правило, весьма примитивно...

М.Л.: Конечно же, в Екатеринбурге много талантливых людей. Работают вузы и творческие институты. Город собирает по региону самых креативных людей. Живых, интересных. Идет обмен творческой энергией, идеями. Происходит огромное количество всяких событий, это помогает увлеченным людям объединяться, находить друг друга, что-то делать. Ведь та же биеннале началась с идеи, которая сначала оформилась в студенческих головах при поддержке университетских преподавателей. А сейчас это событие вполне себе международного уровня. И многие специалисты из

Екатеринбург, несомненно, не пафосный город. И в этом его преимущество.

разных стран знают о биеннале, вносят Екатеринбург в свои планы, проектируют «под нас» свои новые творческие работы. Хотя многие екатеринбургские обыватели вряд ли вообще что-то слышали о биеннале. Как центр туристического притяжения биеннале выполняет свою роль. Но внутри городского сообщества работает не вполне, мягко скажем.

ПАМЯТНИК МЕЖДОМЕТИЮ

В.Б.: В какой степени самоирония – родовой признак жителя Екатеринбурга?

М.Л.: Так она родная дочь той самой поперешности и независимости. «Страна Оз», «Петровы в гриппе...», интерпретации классики Коляда-театром рождаются из самоиронии – позитивной стороны критиканства. Человек, который умеет посмеяться над собой, всегда находит поддержку. Местные (и не только) ценят шутки «Уральских пельменей», «Красной бурды»,

в том числе и о самих себе. Скажем, жители Екатеринбурга любят критиковать памятник Пушкину в Литературном квартале. Студенты-филологи придумали ему имя «Чу!» – как в русской поэзии. И все встало на свое место. Чем памятник таинственному междометию «чу» хуже памятника Человеку-невидимке? Екатеринбург, несомненно, не пафосный город. И в этом его большой плюс.

В.Б.: В Ярославле, помню, я прошелся по набережной и изучил их сувенирные кепки-футболки: все дико серьезно. Мы – богатыри. Русь. Копье пронзает змея. Нет даже намека на стёб.

М.Л.: У них есть неотменяемая красота великого искусства. В городе немало мест, где можно испытать подлинный восторг. В Екатеринбурге, согласитесь, даже добротной видовой площадки, по существу, нет. Единственное место для обзора – Вознесенская горка. Всё. Знаменитый Каслинский павильон и то не у нас сделан, а в со-



Памятник Пушкину в Литературном квартале Екатеринбурга стал объектом для упрямлений в остроумии.

седней области (Челябинской. — Прим. ред.). Но у нас немало своего красивого, и многие проекты работают на городской патриотизм, как ни крути. Мне всегда казалось, что есть некие символические вещи, которые повышают статус города. Возьмем программу по созданию у нас филиала Эрмитажа. Свердловск во время войны спас огромное количество шедевров Эрмитажа, потому что они были сюда эвакуированы и вернулись назад без потерь. То, что Эрмитаж теперь в знак благодарности раз в полгода предоставляет один свой шедевр для показа жителям и гостям Екатеринбурга, однозначно связано с патриотизмом: это предмет для гордости.

В.Б.: А если взять политическую историю города — она ведь тоже отражает жизнь во всем ее многообразии: чего у нас только не было. Но почему-то не возникает целостности восприятия города, всё фрагментарно, история великих жителей распадается на атомы, газетные зарисовки...

М.Л.: Мне трудно говорить о властной элите, политике, я не социолог и не политолог. Но, когда я читаю ведущие городские порталы, у меня складывается ощущение, что Екатеринбург — это место, где бесконечно происходят транспортные аварии, а начальство думает больше всего про внутренние интриги. Об этом же, но с еще большей одержимостью пишут известные политические порталы города. У меня нет к ним претензий — у каждого своя повестка. Но на положительный имидж города в повседневной жизни как-то никто, по-моему, не работает. Общими усилиями создают ощущение нервного и в целом неблагоприятного пространства. А если и возникает у нас какое-нибудь биеннале, то в общей череде скандалов и слухов это воспринимается едва ли не как аномалия. И как будто никого это не заботит.

В.Б.: А были какие-то достойные инициативы ранее?

М.Л.: Конечно, были. В свое время в городском управлении

культуры был период энтузиазма. Всерьез обсуждался вопрос создания музейной набережной, организации комплексного пространства. Привлекались широкие круги общественности, которые предлагали идеи, как можно историю города представлять. По-моему, хотя я не уверена, ни одна из идей так и не была воплощена.

ЗЕМЛЯНКА КАК ЦЕННОСТЬ

В.Б.: Какие, например, предлагались идеи?

М.Л.: Сделать музей быта рабочих по примеру того, как это реализовали, например, в городе Тампере в Финляндии. Там в квартале аутентичных зданий, переходя из помещения в помещение, можно увидеть, как с конца XIX века и до 70-х годов XX века жили финские рабочие. Что это дает? Четкое понимание того, насколько лучше ты, обитатель Тампере, живешь сегодня. Это послыл не только к гостям города, но и к самим горожанам, молодым прежде всего.

Финские рабочие бараки мало чем отличались по комфорту от уральских...
На фото: рабочий квартал в городе Тампере (Финляндия, сер. XX века).



Похожие музейные решения я видела на Тайване: они сохранили кварталы домишек, в каморках которых и жить, кажется, невозможно. Но люди там еще в середине прошлого века жили годами и создавали процветающее государство. Как ни странно, в этих жутковатых музейных коммуналках формируется чувство гордости за свой народ, который не только выстоял, преодолел и т. п., но и старался, как мог, украсить свою жизнь.

К сожалению, у нас потоком идет нагнетание – сейчас плохо и будет еще хуже, это еще не кризис, кризис за углом и так далее. Разумная, как мне кажется, политика властей заключается в том, чтоб дать людям возможность своими глазами убедиться, что же, собственно, произошло, какой колоссальный рывок в качестве жизни был совершен: от избышек ВИЗа и землянок Уралмаша до современных домов. Полезно зримо ощутить, в каких обстоятельствах наши предки создавали славу и ценность родного города. И если бы сейчас на углу улиц Декабристов и Чапаева в Екатеринбурге существовал в виде музея тот барачный «микрорайон», удивительным образом сохранившийся сквозь десятилетия – с сараями, дровяниками, бельевыми веревками, грядками под окнами с зеленью для прокорма и цветочками для красоты, мы могли бы, уверяю, рассказать о самих себе и о своем городе много нового, вызвать новую гамму патриотических чувств и ощущений. И в свои дома и квартиры мы вернулись бы из такого музея с другим ощущением и пониманием, что такое «достаточно». Но района такого не возникло. На углу Декабристов и Чапаева всё вычистили ради псевдоклассического здания ныне уже не существующего банка...

Наша общая удивительная неблагодарность по отношению

к прошлым поколениям меня лично очень огорчает.

В.Б.: Тем не менее, и в Екатеринбурге, и в маленьких городах и селах есть одержимые люди, которые сами стараются показать красоту своего места. В столице Урала есть немало оригинальных туристических маршрутов, которые открыли за последние годы настоящие подвижники и патриоты.

М.Л.: Конечно. Это было и будет. Пару лет назад я ездила в одну из деревень Талицкого района. Так там местные жители в пустующей комнате детского сада собрали по домам предметы быта прошлых веков. Чего там только нет. Это трогательно и красиво. Люди создали для себя живое интересное место памяти, где вокруг каждого сбереженного предмета можно найти удивительные истории. В Екатеринбурге тоже немало подобных практик.

В.Б.: Да уж, с историями на Урале все в порядке. Хотя мы далеко не Ярославль и не Суздаль...

М.Л.: На самом деле мы и «Ярославль», и «Суздаль», но только другого типа. Вот что хорошо бы понять. Екатеринбург – уникальный по многим позициям город. Да, не было у нас великих иконописцев и древнерусских зодчих. Но, в конце концов, уникальные изделия за номером таким-то придумывали и делали именно здесь, а не в каком-то другом месте. Неразумно стесняться своей истории и рассказов о том, как жили трудовые люди, обеспечившие нам промышленные активы, которыми мы сейчас пользуемся как раз-таки без стеснения. ■

...в городе Тампере они превращены в музей, где современный горожанин может увидеть себя счастливым.

